

Маргарита Анатольевна Корзо

Сочинения Пьера де Бесса в письменном наследии Симеона Полоцкого

Письменное наследие Симеона Полоцкого (1629-1680) представляет собой прекрасный материал для изучения взаимного влияния различных конфессиональных и культурных традиций. Получив образование в родном Полоцке, в стенах Киево-Могилянской коллегии и в Виленской академии иезуитов, Симеон перебирается в Москву весной 1664 года и привозит с собой библиотеку, значительная часть которой хранится в составе БМСТ/ин. РГАДА (Hippisley, Luk'janova 2005), единичные позиции были обнаружены в МГ РГБ (Юсим 1993). Собрание состоит как из приобретенных Симеоном изданий, так и из даров, например, архимандрита Полоцкого Борисоглебского монастыря Игнатия Иевлевича; М.А. Юсим предполагает, что отдельные книги (в частности, виленские издания) попали к Симеону уже в Москве как трофеи московских войск (Юсим 1993: 326-327). Встречающиеся в собрании книги с владельческой записью виленских иезуитов¹ могут служить подтверждением как факта обучения Симеона в учебном заведении Ордена, так и версии Юсима о происхождении отдельных книг. Книжное собрание пополнялось после смерти Симеона его соратником и другом Сильвестром Медведевым (1641-1691), а потому заслуживает именоваться библиотекой Симеона-Сильвестра.

Состав собрания отражает очень разносторонние интересы его собирателей: оно включает богословские, исторические, естественно-научные сочинения, пособия по риторике, гомилетике, литургике, различного рода энциклопедические издания, сборники эмблем и иероглификов, проповеди (как многостраничные сборники годичных поучений, так и тонкие брошюры погребальных проповедей²), сборники стихов. Язык книг преимущественно латинский, много книг на польском и книжном языке православных Речи Посполитой, встречаются единичные экземпляры на немецком.

¹ Например: "Domus Professa Vilnensis Societatis Iesu" на титуле БМСТ/ин., 444.

² Основная часть погребальных проповедей собрана в три больших конволюта (БМСТ/ин., 2580-2600; 2601-2616; 2650-2680) предположительно Сильвестром Медведевым. В каждом из названных сборников есть сделанное киноварью описание состава, вписанное, как правило, на обороте первого переплета сборника. Одним из критериев распределения проповедей по сборникам стало место их публикации (так, краковские издания собраны преимущественно отдельно от виленских), хотя этот критерий выдерживается не всегда последовательно.

Далеко не во всех книгах собрания Симеона-Сильвестра присутствуют следы интенсивного чтения. В некоторых экземплярах это могут быть единичные “зри” преимущественно киноварью, но не только (*БМСТ/ин.*, 1644; 2773), в других случаях – достаточно многочисленные пометы. Так, например, в *БМСТ/ин.*, 2441 есть несколько видов помет, все они сделаны тонким пером, зачастую едва различимы. Чаще всего – это вертикальная черта (сплошная или пунктирообразная прерывистая, реже двойная параллельная), расположенная около абзаца или около отдельных фраз, по внешнему или внутреннему полю книги. Реже встречаются горизонтальные подчеркивания в самом тексте (отдельных слов и имен, иногда – целых фраз). В ряде случаев – одновременно подчеркивания внутри текста и вертикально рядом с ним. Употребление латинской “N”, “Nb” или символов типа “+”, “x”, “.”, “.”, и т.п. носит в этом экземпляре единичный характер, также как и написанные на полях слова или группы слов, в то время как в экземпляре *БМСТ/ин.*, 2488 “Nb” и символы “+” и “x” численно доминируют. В отдельных книгах внесены исправления в номера страниц в оглавлении, если они не соответствуют действительному расположению того или иного раздела в тексте (*БМСТ/ин.*, 2439), встречаются исправления в отсылках к библейским книгам или дописывание номера стиха (*БМСТ/ин.*, 2439, с. 33, 177, 212), даже исправления опечаток: например, “nos” исправлено на “mos” (*БМСТ/ин.*, 2078, с. 53), название в колонтитуле “Feria II Paschae” исправлено на “Feria II Pentecostes” (*БМСТ/ин.*, 1644, с. 733).

Совершенно очевидно, что далеко не все маргиналии, встречающиеся в книгах Симеона-Сильвестра, принадлежат руке их владельцев. Из характерных для Симеона приемов выделения или разграничения фрагментов текста Ирина Подтергера отмечает горизонтальную линию с петлей в конце (Подтергера 2000: 138); в книгах Симеона-Сильвестра она встречается спорадически, гораздо чаще – в рукописных бумагах Симеона. Одним из способов “авторизации” сделанных в книгах помет именно Симеону Полоцкому служит выявление следов прямого заимствования или пересказа выделенных тем или фрагментов латинских и польских книг в его собственных сочинениях. Таким образом был установлен факт обращения Симеона к одной из проповедей краковского каноника Шимона Старовольского (Szymon Starowolski, ок. 1588-1656) (Корзо 2025).

При этом в собрании Симеона-Сильвестра встречаются книги, в которых отсутствуют какие-либо следы чтения, но которые со всей очевидностью были использованы Симеоном для составления своих авторских текстов. Одним из примеров может послужить библейский комментарий испанского иезуита Альфонсо Сальмерона (Alfonso Salmerón, 1515-1585). В библиотеке Симеона-Сильвестра указаны несколько томов 12-томного компендиума испанца (Hippisley, Luk’janova 2005: 127). На основе одного из фрагментов экзегетического сочинения Сальмерона из 7-го тома (*БМСТ/ин.*, 361) Симеон выстраивает основную часть Первого Слова на 25-е воскресенье по сошествии Св. Духа (Корзо 2024а).

На основании только маргиналий, таким образом, не всегда удастся понять, какие книги Симеон не только читал, но и использовал для составления авторских текстов. Помимо отмеченных выше случаев “чистых” книг, в собрании Симеона-Сильвестра в его настоящем виде отсутствуют, например, две позиции, которые, по наблюдению Антони Хипписли (*Вертоград*, I: 315-356; II: 557-657; III: 557-640), активно использовались при составлении рифмованной энциклопедии *Вертоград многоцветный*: сборник проповедей *Concionum opus tripartitum* баварца Маттиаса Фабера (Matthias Faber, 1586/87-1653)³ и составленный в XV в. сборник проповедей *Hortulus Reginae*, который традиционно приписывают некоему Меффрету из саксонского г. Майсен (Meffret(h) von Meissen, Misnensis)⁴.

Работая над своими сочинениями, Симеон вполне мог обращаться и к иным книжным коллекциям. В московский период жизни это были как частные собрания (например, митрополита Сарского и Подонского Павла, с которым Симеон тесно общался), так и коллекции отдельных урядов и институций. Хипписли вслед за С.А. Белокуровым не исключает обращения Симеона к книгам, хранившимся в Верхней типографии, из которых в бумагах Симеона сохранились разного объема выписки (Hippisley, Luk'janova 2005: 4; *РГАДА*, ф. 381, № 1800, л. 74-76 и др.).

Одним из способов удостоверить знакомство Симеона с той или иной книгой служит текстологический анализ его собственных сочинений, позволяющий выявить случаи прямого заимствования или переделок отдельных латинских текстов или их фрагментов, также случаи использования латинских книг в качестве цитатников и источников поучительных примеров, богословских рассуждений и сентенций античных авторов. Подобного рода исследования проводились преимущественно на материале поэтического наследия Симеона (Белецкий 1914; *Вертоград*, I: 315-356; II: 557-657; III: 557-640; Гребенюк 1982, др.) и в гораздо меньшей степени – его проповедей (Корзо 2021; Корзо 2024а; Корзо 2024б; Корзо 2025; Преображенская 2023). В литературе уже отмечалось, что одни и те же латинские тексты зачастую становились общим источником и для рифмованных, и для прозаических сочинений Симеона: особенно много параллелей подобного рода выявлено между отдельными стихотворениями поэтической энциклопедии *Вертоград* и опубликованными уже после смерти Симеона проповедническими текстами *Обеда душевного* (1681) и *Вечери душевной* (1683) (Киселева 2011: 189, 191-192, 194-195, 210, 229, 230, др.; Корзо 2021; 2024а; 2024б; 2025). По мнению А.И. Сазионовой, это отражает одну из особенностей “писательской кухни” Симеона: сочинив однажды удачную, на его взгляд, фразу, метафору или

³ По свидетельству А.И. Белецкого, по крайней мере один из трех томов проповедей Фабера с владельческой надписью Симеона до Первой мировой войны находился в собрании Харьковской духовной семинарии (Белецкий 1914: 605).

⁴ Современные исследователи все больше склоняются к тому, что “Meffreth” – это не имя составителя, но второе или альтернативное название сборника (Schmidtke 2010). В дальнейшем этот сборник будет именоваться *Меффретом*.

небольшое рассуждение, Симеон тиражирует их в разных сочинениях; он использует также прием создания стихов из готовых блоков, перекомпоновывая их в зависимости от конкретного авторского замысла (Сазонова 2006: 182-183)⁵.

Существующие наработки исследователей по выявлению латинских источников вдохновения стихотворений из *Вертограда* (*Вертоград*, I: 315-356; II: 557-657; III: 557-640) служат важным подспорьем для реконструкции “библиотечного ресурса” гораздо менее изученных с точки зрения источников проповеднических текстов Симеона и его, по выражению Сазоновой, “стихотворной практической риторики” (Sazonova 2013: XXXII) – *Рифмологиона*. В задачи настоящего исследования входит выявление новых латинских источников, к которым Симеон обращался для составления одной из ‘образцовых’ погребальных проповедей и двух поэтических ‘книжек’ в составе *Рифмологиона*, а также выявление текстуальных параллелей между названными сочинениями, отдельными завещаниями из сборника *ГИМ, Синопальное, 229*⁶ и виршами *Вертограда многоцветного*.

1. Слово на погребеніи честнаго человека

Блок из девяти ‘образцовых’ или формулярных погребальных проповедей, опубликованных во второй части *Вечери* в составе поучений на разные случаи, включает как минимум три Слова, которые изначально составлялись не как образцы, а по случаю кончины конкретных лиц и были обезличены на разных стадиях подготовки *Вечери* к печати. Два из них (*Слово на погребеніи честнаго человека* [*Вечеря*, л. 100-107] и *Слово на погребеніи честныя жены* [*Вечеря*, л. 143-150])⁷ Симеон писал для архимандрита московского Богоявленского монастыря Амвросия (Савицкого), о чем свидетельствуют маргинальные пометы “Ambrsio” в черновой рукописи *Вечери* (*ГИМ, Синопальное, 658*, л. 256, 285). Третье Слово (*На погребеніи архіереа* [*Вечеря*, л.

⁵ Такого рода прием работы был присущ не только Симеону: Карион Истомин также мог использовать одни и те же стихотворные блоки в разных сочинениях (Сазонова 2006: 184).

⁶ Перу Симеона принадлежат как минимум четыре завещания, составленные для патриарха Московского Питирима (весна 1673 года), митрополита Сарского и Подонского Павла (рубеж 1672-1673 годов), митрополита Рязанского и Муромского Илариона (до 1673 года) и Богдана (Иова) Матвеевича Хитрово (до 1680 года; *ГИМ, Синопальное, 229*, лл. 277 об.-298.). В бумагах Симеона сохранились также четыре завещательные преамбулы – своего рода заготовки для духовных грамот с зачалами: “Превѣчное солнце, просвѣщающее всякаго человека”, “Безначальный и присносущный Господь” (с датировкой 1672 год), “Вѣдѣ, яко смерть мя истреть”, “Помянухъ пророка вопіюща: азъ есть земля и пепель” (*ГИМ, Синопальное, 229*, лл. 269-277 об.). Первые три составлены от лица архиерея, последняя – от лица монаха (Корзо 2026).

⁷ А.А. Преображенская высказала гипотезу, что Слово по случаю кончины жены писалось на смерть княгини Евдокии Петровны Долгорукой и датируется 1671 годом (Преображенская 2023: 293).

171-179 об.]) представляет собой лишенное биографических подробностей поучение, произнесенное Симеоном на смерть митрополита Сарского и Подонского Павла (датировано 10 ноября 1675 года [ГИМ, *Синодальное*, 657, л. 632-639]).

Три названных Слова объединяет тот факт, что в их основу положены конкретные сочинения из библиотеки Симеона-Сильвестра⁸, которые воспроизводятся с разной степенью буквальности: женское погребальное поучение в значительной своей части является переводом одной из проповедей баварца Фабера (Корзо 2024б), архиерейское поучение повторяет структуру и заимствует отдельные фрагменты из проповеди краковского каноника Шимона Старовольского (Корзо 2025), Слово на смерть “честнаго человека” демонстрирует обращение Симеона к подборке поучений о четырех последних вещах (*Conceptions theologiques sur le quatre fins de l'homme*) Пьера де Бесса (1567-1639) – богослова и проповедника при дворе Людовика XIII, одного из значительных представителей концептизма, прозванного французским Цицероном.

Де Бесс был автором сборника так называемых концептов или тематических планов поучений на воскресные и праздничные дни литургического года, переведенного на латынь (ок. 1611) и ряд вернакулярных языков и ставшего востребованным гомилетическим компендиумом эпохи барокко, поскольку он составлялся в первую очередь для приходского духовенства (Frumire 2010: 378, 406; Stockmann 2001: 24). Концепты поучений о четырех последних вещах скомпонованы де Бессом из своих же собственных проповедей на период Адвента, произнесенных в 1605 году в его бытность кюре в Коломбе, пригороде Парижа: на титуле самого раннего самостоятельного издания 1606 года стоит пометка: “preschéés en un Aduant l’an 1605” (Bayley 1980: 200-205); они публиковались впоследствии как в составе четвертого (последнего) тома концептов годовых проповедей де Бесса, так и отдельным изданием (de Besse 1617). В соответствии с названием, сборник разделен на четыре части: части о смерти, последнем суде и аде состоят из семи поучений каждая (с воскресенья по субботу включительно), часть о рае – из шести. Каждое поучение, в свою очередь, разбито на тематические параграфы с самостоятельными заголовками, внутри которых выделяются пронумерованные пункты. Концепты де Бесса, таким образом, не представляют собой готовых для произнесения поучений, но тематические подборки рассуждений, библейских фрагментов, цитат отдельных богословов и назидательных примеров.

В библиотеке Симеона-Сильвестра книг французского автора не значится, но присутствует издание, имеющее к де Бессу прямое отношение: это *Nucleus Coppensteinus* (БМСТ/ин., 2342), который составители каталога библиотеки атрибутировали Иоганну Андреасу Коппенштайну (Hippisley, Luk’janova 2005: 49-50).

⁸ Текстологический анализ остальных ‘образцовых’ поучений на погребение позволяет сделать пока только предварительный вывод о том, что пять из шести Слов не опирались на конкретные латинские тексты, но компилировались Симеоном из разных памятников не обязательно латинского происхождения.

Экземпляр дефектный, без титульного листа и конца, но название книги дублируется в начале ее основной части. Самое раннее из известных издание *Nucleus Coppensteinus* датируется ок. 1615 года, но, судя по конфигурации текста, экземпляра Симеона-Сильвестра – это издание Майнц 1624 или Кёльн 1634⁹. Имя Коппенштайна действительно выносилось на титульный лист, но в качестве составителя компендиума (“ex conceptibus praedicabilibus R.D. Petri Bessei <...> extrahit <...> Ioan. Andreas Coppensteinus”¹⁰). Немецкий доминиканец Коппенштайн (ум. 1638) был известен как проповедник (с 1624 года он исполнял обязанности генерального проповедника доминиканцев на немецких землях), издатель католического богословского наследия и кратких выдержек из полемических трактатов своих старших современников (Weiß 1876: 471).

Nucleus Coppensteinus представляет собой выдержки из четырехтомника де Бесса, в том числе и из концептов поучений о четырех последних вещах. Последовательность материала внутри отдельных тематических блоков не всегда соответствует оригинальному тексту французского автора, но библейские связи между отдельными фрагментами и иллюстративный материал (цитаты и отсылки к богословам, *exempla*, и т.п.) почти всегда совпадают. ‘Соавторство’ Коппенштайна заключается в том, что он не только сокращает или реферировал текст де Бесса, но иногда превращает пространные рассуждения в лаконичные пронумерованные пункты. Экземпляр *Nucleus Coppensteinus* Симеона-Сильвестра имеет значительное число маргинальных помет и подчеркиваний разных рук и разными чернилами, в том числе и более позднего времени; но поскольку он не имеет конца (а именно в этой части книги реферировались концепты проповедей о четырех последних вещах де Бесса), то невозможно ничего сказать о том, были ли следы чтения в утраченных частях экземпляра. Важно отметить, что в Москве *Nucleus Coppensteinus* привлек внимание не только Симеона: кёльнское издание 1634 года фигурирует, например, в описи книжного и рукописного собрания Посольского приказа от 1673 года (Белокуров 1899: 45).

Мотто *Слова на погребеніи честнаго человека* – фрагмент Псалма 89(88): 49: “Кто есть человекъ, иже поживеть, и не оузритъ смерти”. В отличии от ряда других погребальных “образцовых” поучений из *Вечери*, в этом Слове нет риторически обособленной вступительной части. Поучение можно условно поделить на три неравных тематических блока. Первый и самый пространный (*Вечеря*, л. 100-104) выстраивается как последовательное рассуждение о неизбежности смерти, которая не щадила никого из потомков Адама и Евы (ветхозаветных праведников Еноха и Илию; представителей знати, искусных полководцев и храбрых воинов; стариков и молодых, мудрых и безумных, богатых и бедных); о горечи смерти, разлучающей

⁹ К аналогичному выводу пришли и составители каталога (Hippisley, Luk’janova 2005: 49). В настоящем исследовании используется кёльнское издание.

¹⁰ Например, на титуле издания Майнц 1615.

душу с телом и любящих людей друг с другом (со ссылкой на Иеронима Стридонского, но без указания сочинения) и ее коварстве (уподобление смерти аспиду [Пс. 58(57):5], льву [Ис. 38:13а] и овну [Дан. 8:20]); о природных стихиях как орудиях смерти. Первая часть Слова заканчивается развернутым призывом страшиться не столько смерти, сколько греха (Симеон приводит фрагмент из 5-й беседы к Антиохийскому народу Иоанна Златоуста, ссылаясь на источник цитирования) и постоянно помнить о смертном часе и неизбежном посмертном наказании. Во втором тематическом блоке (*Вечеря*, л. 104 об.-106 об.), который условно можно назвать биографическим и который потенциальный проповедник должен был наполнить конкретной информацией об умершем лице, говорится о том, как почивший (“благородный господинъ имярекъ”) всю жизнь помнил о смерти и наказании для грешников в аду (приводится фрагмент из сочинения Кирилла Александрийского *О исхождѣ душном* и слова некого “от мудрыхъ”). Завершает Слово последнее целование или прощание и наставление, которое почивший дает членам семьи и всем, присутствующим на погребении (*Вечеря*, л. 106 об.-107).

Слово в основной части представляет собой компиляцию из фрагментов разного объема 2-й и 4-й проповедей де Бесса о смерти и 2-й об аде (с повторением в том числе и присутствующих в латинском тексте библейских связей), которые перемежаются условно авторскими вставками Симеона. Судя по всему, в данном случае в качестве основного источника Симеон использовал *Nucleus Coppensteinius*, лишь в некоторых случаях ‘заглядывая’ в полную версию де Бесса.

Так, рассуждение Симеона, что “всѣмъ всячески обще есть оумрети” (*Вечеря*, л. 100 об.) выстраивается по логике § *De universali mortis statuto* (*Nucleus Coppensteinius*, 889): сначала приводятся примеры смертности Еноха и Илии, затем свидетельство Иоанна Богослова и библейская связка 2Цар. 14:14. В латинском тексте в данном параграфе дается перечень имен выдающихся правителей древности, который резюмируется цитатой из Августина, что смерть не щадит ни царей, ни сильных мира сего¹¹. Симеон по мотивам этих рассуждений вставляет свой условно авторский фрагмент:

нѣсть изятіе [от смерти] пресвѣтлымъ вѣнценосцемъ. Нѣсть свободы многоумнымъ боляромъ, сильнымъ воеводамъ, богатымъ велможамъ. Полководителемъ искусным, воемъ храбрымъ. Нѣсть изятія краснымъ юношамъ, доброличнымъ дѣвцамъ. Нѣсть свобода старымъ и младымъ, великимъ и малымъ, славнымъ и безчестнымъ, мудрым и буимъ, богатым и нищымъ (*Вечеря*, л. 100 об.-101).

Вторая часть этого перечисления (“Нѣсть свобода старымъ...”) текстуально совпадает со стихотворением Симеона из *Вертограда многоцветного* ‘Смерть судит

¹¹ Развернутый перечень в полной версии де Бесса (de Besse 1617: 47) в версии *Nucleus Coppensteinius* сокращен, Августин упоминается без цитаты (*Nucleus Coppensteinius*, 889).

право¹², источником которого, как установил Хипписли (*Вертоград*, III: 582), стал фрагмент из сборника *Меффрет*¹³.

После описания четырех причин, почему память о смерти горька для человека (*Вечеря*, л. 101-101 об.), которые содержательно близки составленному Симеоном завещанию Павла Сарского и Подонского (*ГИМ, Синодальное*, 229, л. 286), Симеон снова встраивает в свое Слово фрагмент из текста де Бесса – из § *Quid mors* (*Nucleus Coppensteinius*, 879-880). Своего рода переходом от условно авторского текста к заимствованному служит четвертая причина горечи – смерть “нагихъ во гробная жилища вселяеть” (*Вечеря*, л. 101 об.). Как и французский проповедник, Симеон начинает с развернутых цитат из Книги Екклесиаста (5:14) и Книги Иова (1:21), после чего переходит к описанию смерти-расхищательницы (“сильный разбойник <...> вся въ дому сущая расхищает”):

Она отъемлет души тѣло, тѣлеси чювства, чювствамъ дѣйства <...> (*Вечеря*, л. 101 об.). Ea despoliat animam corpore, corpus luce, sensus functione (*Nucleus Coppensteinius*, 879).

Далее следует авторская вставка Симеона (“Она отъемлетъ царемъ скипетры, воеводамъ булавы, бояромъ достоинства, благороднымъ почести, воемъ оружія, художникомъ орудія”), которой в *Nucleus Coppensteinius* соответствует лаконичное “Exiit honoribus, beneficiis, officiisque viros”, и снова дословная цитата:

Она судїи судить, мучители томить, оубійцы оубиваеть. Она прѣнїя прекращаеть, свары окончеваеть, и всякому дѣлу предѣлъ полагаеть. Ea iudices indicat, tyrannos plectit, cruciat carnifices. Ea lites dirimit, fora ac tribunalia claudit. Ea mercaturae dat finem.

Рассуждения и в латинском источнике (*Nucleus Coppensteinius*, 880), и у Симеона (*Вечеря*, л. 102) резюмируются цитатой из Иеронима (“блаженный Иеронумъ на смерть сице поемлетъ: о смерти, братїю разлучаищая, и любовїю содруженныя, лютѣ и жестоцѣ раздражающая”)¹⁴, после чего следуют идентичные сравнения смерти с аспидом, львом и овном и объяснения символики двух рогов овна, Симеон только меняет последовательность сторон света:

¹² Ср.: Смерть “равнѣ обыче юных и старых хищати, / великия с малыми во тлю прелагати. / Не смотрит благородных, сильных не боится, / честных жен и дѣв лѣпых нимало стыдится. / Богатыя с нищими равны содѣвает, / <...> От мудрых мудростию смерть не прехитрится, / и буй муж буйства ради ею не презрится” (*Вертоград*, III: 147).

¹³ Стоит отметить, что в *Меффрете* следом за привлечшим внимание Симеона фрагментом приводится цитата из Проспера Аквитанского (“Prosper in suis sententiis”, [Meffret[h] von Meissen] 1610: 78), которая встречается в другом ‘образцовом’ погребальном Слове Симеона (на кончину “мужа благоговѣйнаго”), но с атрибуцией Василию Великому (*Вечеря*, л. 127). Расхождение в атрибуции объясняется тем, что Симеон позаимствовал данную цитату не из *Меффрета*, но из иного латинского источника.

¹⁴ “O mors quae fratres dividis, et amore sociatos, crudelis ac dura dissocias” (Hieronymus 1859: 590).

Бодеть сей овецъ, смерть лютая, рогомъ вышним, вышній люди, яко цари, архіереи: и велможи: Нижшимъ же, нижшихъ чиновъ человеки. Бодеть на востоцъ, егда оубиваетъ младенцы. Бодеть на югъ, егда мертвить мужи крѣпкія. Бодеть на западъ, егда старыя оумерщвляеть (*Вечеря*, л. 102 об.).

<...> cuius cornu maius ferit Papas, Imp. Reges, etc. minus sine nomine vulgus petit. Ille discurrit in Orientem, pueros enecans, senes ad Occidentem transiliens, in Meridiem, robustos aetatis meridiae subvertens (*Nucleus Coppensteinius*, 88о).

В следующих порциях текста первого тематического блока Слова Симеон еще раз обращается к проповедям французского автора, но на этот раз, судя по всему, следует не за *Nucleus Coppensteinius*, но за оригинальным текстом де Бесса, рассуждая о том, как “всяческая работаютъ ей [смерти] противу человеком”:

Яко вся вселенная, есть ей аки оружіе хранилище: вся бо содержимая міромъ, могутъ оумерщвляти челоуѣки. Стіхія, яко оружія ея суть, и орудія: огнемъ бо ожигает, воздуха отгятіемъ оудушаетъ, землею поглощаетъ: водою потопляеть¹⁵ (*Вечеря*, л. 102об.-103).

<...> hic tibi <...> mundus instar armamentarii cuiusdam est, omnia elementa instar telorum et armorum, quae in hominum damnum ac perniciem adhibeas. Ignem quippe adhibes, quo nos exurat; aerem, ut spiritum neget, terram, quae nos deglutiendo devoret, mare vero, quod undis vorticibusque suis involuat (de Besse 1617: 23).

И далее Симеон воспроизводит приведенные у де Бесса библейские примеры смерти от огненного дождя (Быт. 19:24) и морских вод (Исх. 14:27–28), поглощение земель (Числ. 16:31–33), смерти от удушения (2Цар. 17:23; 18:9); в *Nucleus Coppensteinius* библейские примеры даются более лаконично, поэтому Симеон, скорее всего, опирается на пространную версию¹⁶:

Огненнымъ дождемъ содомляне сожгошеса: Египтяне в водахъ моря чермнаго потопшася: Корей Дафанъ и Авирон живи от земли поглощени суть: Авесаломъ и Ахитофель повисше, оскудѣнїемъ воздуха въ персѣхъ исчезоша (*Вечеря*, л. 103).

Nam absumpsit Sodomitas igne, aquis Aegyptios, Core terra dehiscente, Absalonem in aere suspensum (*Nucleus Coppensteinius*, 881).

Sodomitae imbre sulphureo et fulmine extincti sunt: Aegyptii in aquis sepulti; Core, Dathan et Abiron vivi a terra absorpti, <...> Absalom et Achitophel suspense spiritus defectu interiere (de Besse 1617: 23).

¹⁵ Рассуждение о стихиях как орудиях смерти встречается у Симеона и в ‘образцовой’ проповеди на смерть жены (“смерть <...> и на земли оубиваетъ, и на мори погружаетъ, и во огни сожигаетъ, и на воздухъ оудушаетъ” [*Вечеря*, л. 143]). Этот образ прописан у Симеона еще в стихотворении домосковского периода *Piosnka o śmierci*: “<...> zewsząd trwoga / Ogień y ziemia, woda y powietrze – w każdy czas zetrze” (Симеон Полоцкий 1990: 148).

¹⁶ Все выделения в цитатах здесь и далее сделаны автором статьи.

Первый тематический блок Слова Симеон завершает не имеющим отношения к тексту де Бесса пространным фрагментом из 5-й беседы к Антиохийскому народу Иоанна Златоуста (*Вечеря*, л. 103 об.) с зачалом “не оубоимся смерти, но грѣха токмо да боимся”, в котором приводятся примеры трех мужественных отроков из Книги пророка Даниила и апостола Павла¹⁷.

Во втором тематическом блоке Слова (условно биографическом) Симеон лишь однажды обращается к тексту де Бесса, заимствуя краткий фрагмент из 2-й проповеди *De inferno* в версии *Nucleus Coppensteinius*. Рассуждение как почивший “мыслию во адъ низхождаше” (*Вечеря*, л. 105) Симеон следом за латинским источником начинает с сетований библейского Иова (Иов. 10:20-22), замещая текст Вульгаты версией славянской Библии, поскольку они не полностью идентичны¹⁸. За словами ветхозаветного праведника следует описание “мук нестерпимыхъ” из сочинения *Об исходе души* Кирилла Александрийского (“Тамо стенут выну, и никтоже милуеть: вопіють из глубины, и никтоже приклоняется: вопльствуют, и никтоже исхищаетъ”¹⁹) и некоего мудреца (“Тамо мѣсто смертоносное, в немже мракъ жестокий, червь бессмертный, смрадъ нестерпимый, млаты бѣющій, тма осязаемая, страшныя демоновъ личины: весь трясуся и трепешу на воспоминаніе тоя страны, и сокрушишася вся кости моя”). Процитированный Симеоном “нѣкто от мудрыхъ” идентифицируется в *Nucleus Coppensteinius* как Бернард Клервосский²⁰.

2. Поэтические “книжицы” Рифмологиона

Следы знакомства с концептами де Бесса (как в их полной версии, так и в сокращенной *Nucleus Coppensteinius*) заметны и в двух поэтических “книжицах”, включенных Симеоном в сборник *Рифмологион*, собиравшийся из сочинений ок.1665-1680 годов: *Трены, или плачи встьх санов и чинов православнороссийского царства* на кончину царицы Марии Ильиничны Милославской, первой жены царя Алексея Михайловича (1669) и *Глас послѣдний ко Господу Богу* по случаю кончины самого царя (1676). Сте-

¹⁷ В оригинальном тексте Златоуста цитируемые Симеоном фразы не образуют единого фрагмента, также порядок примеров обратный: сначала апостол Павел, а затем три отрока (Иоанн Златоуст 1993: 77).

¹⁸ Ср.: “ad terram tenebrosam et opertam mortis caligine, terram miseriae et tenebrarum, ubi umbra, mortis, et nullus ordo, sed sempiternus horror inhabitat” (*Nucleus Coppensteinius*, 933) и “въ землю темну и мрачну, въ землю тмы вѣчныя, идѣже нѣсть свѣта, ни видѣти живота челоуѣческа” (Библия 1663)

¹⁹ Ср.: “Illic ingemiscunt assidue, nec unus miseretur: clamantur e profundis, et nemo flectitur: lamentantur, et nullus eripit” (*Nucleus Coppensteinius*, 933; Cyrillus Alexandrinus 1572: 78).

²⁰ Ср.: “Locus lethifer, in quo frigus rigens, vermis immortalis, foetor intolerabilis, mallei percutientes, tenebrae palpabiles; horribiles daemonum facies. Totus tremo atque horreo ad memoriam istius regionis, et concussa sunt omnia ossa mea” (*Nucleus Coppensteinius*, 933; Bernardus Claraevallensis 1575: 280 v.).

пень использования текстов французского проповедника существенно различия: в первом случае это лишь единичные заимствования, во второй проповеди де Бесса служат не только источником отдельных образов, метафор и примеров, но и отчасти задают тематику отдельных плачей *Гласа*.

Стоит отметить, что в *Тренах* присутствуют многочисленные топосы, которые не обязательно свидетельствуют о зависимости именно от текста де Бесса, но не исключено, что проповеди французского автора могли быть для Симеона источником вдохновения. Так, в 4-м плаче развивается тема, что смерть равнит всех людей, а кости почивших ничем не выдают высокого или низкого происхождения человека при жизни:

<...> всѣхъ плоти и кости всѣхъ, тако
в землю бывают сложени еднако.
Кто может, сия кость есть кая, знати?
(*Трены*, 278)

У де Бесса, как и у многих проповедников той эпохи, данный сюжет иллюстрируется среди прочего историей встречи Александра Македонского и Диогена в осуарии, где философ ищет кости Филиппа Македонского и не может отличить их от костей рабов (de Besse 1617: 20; *Nucleus Coppensteiniius*, 890). Именно из сочинения французского автора Симеон заимствует данный пример для завещания митрополита Павла Сарского (*ГИМ, Синодальное*, 229, л. 284об.; Корзо 2026)²¹.

В 7-м плаче *Тренов* встречается уже упоминавшийся образ природных стихий как орудий смерти (“За оружие вся вѣщи имѣет <...> Смерть во аерѣ, в огни, в земли, в водѣ” (*Трены*, 289)). Сразу за этими строками в плаче следует перечисление мест, где смерть настигает человека, напоминающее фрагмент из полной версии проповеди де Бесса, который в более буквальном звучании вошел в завещательную преамбулу “Вѣдѣ, яко смерть мя истреть”:

Смерть в градѣхъ, в весѣхъ / в полях и в дубравах (<i>Трены</i> , 289).	[смерть] на всяцемъ мѣстѣ <...> во градѣхъ, и в селѣхъ, во лѣсахъ, и во поляхъ, во оубогихъ колибахъ, и в свѣтлыхъ полатахъ <...> (<i>ГИМ, Синодальное</i> , 229, л. 275).	[mors] domi et in agro, in desertis et in urbibus, in rusticorum tuguriis et regum palatiis <...> (de Besse 1617: 62-63).
--	---	---

При этом в предваряющем плачи по усопшей царице прозаическом посвящении Алексею Михайловичу пример скорпиона (рассуждение о том, что “яд ядом истребляется”) восходит со всей очевидностью к *Nucleus Coppensteiniius*, поскольку

²¹ Этот сюжет Симеон развивает еще неоднократно, например, в стихотворении домосковского периода *Piosnka o śmierci* (“<...> Trudno rozeznac będzie kość od kości” (Симеон Полоцкий 1990: 149)), в стихотворении *Смерть судит право* (“Сниди в древняя гробы и вижд обнаженны / кости, и разсуди ми, кто се положенны” (*Вертоград*, III: 148)).

в полной версии де Бесса речь идет о “serpens” (de Besse 1617: 9)²². Данный сюжет Симеон использовал и в стихотворении *Язык-3* своей поэтической энциклопедии *Вертоград* (источники этого стихотворения не были установлены Хипписли), но в ином контексте:

Скорпиево угрызение само-
скорпия сотренного прило-
жением врачуются (*Трены*,
263).

Скорпий егда усѣкнет, сам в
цѣлбу бывает, / сотрен бо и
приложен, язву исцѣляет
(*Вертоград*, III: 436).

Ab scorpionibus icti unguento
ex iisdem confecto peruncti
servantur a nece, ac resanan-
tur (*Nucleus Coppensteinus*,
876).

Поскольку царь Алексей Михайлович скончался скоропостижно, *Глас последний* был составлен Симеоном буквально за два-три дня (Гребенюк 1982: 294); этим обстоятельством может объясняться использование Симеоном значительного числа встречавшихся в его более ранних сочинениях примеров и образов. В том числе и заимствований из проповедей де Бесса, которые, судя по всему, отчасти задавали и тематику отдельных плачей *Гласа*. Так, например, во 2-й проповеди о смерти французского автора (которая, как отмечалось выше, использовалась Симеоном для составления *Слова на погребеніи честнаго человека*) отдельные параграфы посвящены разным образам смерти, среди которых называются: червь, подтачивающий дерево (на основе библейского фрагмента Иона 4:5-9), образ смерти как вора и как мучительницы (de Besse 1617: 24, 21; *Nucleus Coppensteinus*, 880-881). Эти три образа задают тематику, соответственно, 5-го, 10-го и 11-го плачей (*Глас*, 382-384; 388-390; 390-391).

Встречаются в *Гласе последнем* и буквальные заимствования из концептов де Бесса. Так, во 2-м плаче Симеон описывает качества, которые обретет (“украсится”) человеческая душа после воскресения: “Их же четыре мудрии считают / безсмертность, свѣтлость, тонкость, борзость знают” (*Глас*, 377). О “claritas”, “subtilitas”, “agilitas (velocitas)” и “impassibilitas” воскресшей души французский автор, апеллируя к предшествующей богословской традиции, рассуждает в 4-й проповеди о небесной славе (de Besse 1617: 286–290; *Nucleus Coppensteinus*, 965-966); Симеон лишь заменяет последнее качество на бессмертие. В 3-м плаче приводится пространное рассуждение о том, “Како убо прост муж не имать тужити / и на саму память смерти скорбен быти?”

²² Для иллюстрации образа “яд ядом истребляется” в проповеднической литературе XVII в. чаще используется не образ скорпиона, но “vipera” со ссылкой на сочинение *De ira Dei* Лактанция (ок.250 - ок.325), написанное против стоиков и эпикурейцев (“Говорят, будто если сжечь гадюку и растереть пепел в порошок, то этим можно лечить от ее укусов” (Лактанций 2007: 103)). Де Бесс цитирует именно его (“Lactantius refert <...> morsos a viperis...” (de Besse 1617: 12)), и в *Слове на погребеніи воинскаго человека* Симеон говорит о яде именно ехидны (“язва от ехидны содѣянная, тояжде ехидны пепеломъ оудобъ цѣлима бываесть” [*Вечеря*, л. 122 об.]).

внутри которого встроены примеры благочестивых мужей древности, которые ежедневно помнили о смерти:

Василий Великий велѣ гроб творити, / обаче не скоро онаго вершити <...>
 Точнѣ милостивый Иоанн творяше, / на смерть ся лютую тако устрояше.
 Севир паки кесарь в гроб спати вхождаше / и, лобзая его, сице глаголаше: <...>
 Птолемей Филадельф в час пира велика / согнившя при себѣ главу челоуѣка <...>
 Точнѣ Египтяне прочий творяху, / В он же бо день свѣтло пиры устрояху.
 Пиющим свободно образ представляху / Мертва челоуѣка <...> (Глас, 379).

Все пять *exempla* приводятся компактно в 1-й проповеди о смерти де Бесса (de Besse 1617: 3-4), только в несколько иной последовательности: христианские мужи называются после примеров из древней истории. Четыре из пяти *exempla* были использованы Симеоном и в текстах завещаний: в духовной Илариона Рязанского (Василий Великий и Иоанн Милостивый (ГИМ, Синодальное, 229, л. 293-293 об.)) и митрополита Павла Сарского (о традиции демонстрации во время пира черепа [Птолемей] и трупа [египтяне])[ГИМ, Синодальное, 229, л. 284-284 об.]. В последнем случае *exempla* резюмируются возгласом “О фѣлософїи христїанскїя въ сллвнстемъ челоуецѣ” (ГИМ, Синодальное, 229, л. 284 об.), который воспроизводится и в 3-м плаче: “О христианския мудрости в поганѣх!” (Глас, 379)²³, что может свидетельствовать о том, что при составлении *Гласа послѣднего* в 1676 году Симеон мог обращаться к тексту завещания, написанному до 1675 года. Но при этом упоминаемая де Бессом история о подготовке к смерти римского императора Септимия Севера (193-211 гг. правления) со ссылкой на извлечение из *Римской истории* историка Диона Кассия (II в.), которые подготовил трапезундский монах второй половины XI в. Иоанн Ксифилин (см.: Dion Casio 1558: 602), появляется только в книжице *Глас послѣдний*, а в завещаниях не встречается. И это обстоятельство позволяет предположить повторное обращение Симеона в 1676 году к проповедям де Бесса или к своим выпискам из этих проповедей²⁴.

В 11-м плаче *Гласа послѣднего* встречается еще один сюжет из проповеди де Бесса, который Симеон, как показано выше, неоднократно использовал в своих сочинениях – о стихиях как орудиях смерти:

О, Разбойнице непобѣдимая, / вездѣ ходящи, никим зрима! /
 Ты на пучинахъ глубокихъ топиши / и всядушим огнемъ вся палиши. /
 Ты воздухъ чистый знаеши разлтиги <...> / А что на земли злоба твоя дѣвет, /
 ни един языкъ изречи довлѣет (Глас, 390).

²³ Данный возглас встречается и в других проповеднических текстах Симеона, например, в первом Слове на 11-ое воскресенье после Пятидесятницы (Обед, л. 238).

²⁴ В данном случае речь идет об использовании полной версии текста французского автора, в сокращенной версии пример о египтянах отсутствует (*Nucleus Coppensteinus*, 874). О пиравших с изображением трупа египтянах Симеон упоминает и в ‘образцовой’ проповеди *Слово на погребенїи воинскаго челоуека* (Вечеря, л. 122 об.).

В *Слове на погребеніи честнаго человека* перед описанием орудий смерти Симеон использует похожее зачало: “Оле жестокиа разбойницы! <...> никимъ побѣждаема бываесть” (*Вечеря*, л. 102 об.); и у де Бесса вступление к этому рассуждению аналогичное: “o crudelis Bellatrix <...>” (de Besse 1617: 23). Стоит отметить, что в плачах *Гласа послѣднего* встречается еще целый ряд связанных со смертью образов, которые уже дословно воспроизводились Симеоном в его более ранних сочинениях. Сошлюсь лишь на один пример:

Ибо ты [смерть] равнѣ вся люди губиши, / а на приход свой нимало трубиши (<i>Глас</i> , 390).	Яко смерть не трубитъ егда губить (<i>ГИМ</i> , <i>Синодальное</i> , 229, л. 272).	Яко смерть никому трубит, / Егда косою съчет ны и губит (<i>Вертоград</i> , II: 506) ²⁵ .
---	---	---

Помимо названного выше *exemplum* императора Септимия Севера, в плачах *Гласа послѣднего* встречаются и другие сюжеты, явно навеянные проповедями де Бесса (или краткой версией авторства Коппенштайна), которых нет в завещательных преамбулах и ‘образцовых’ погребальных проповедях, что является дополнительным аргументом в пользу предположения, что Симеон повторно обращался к сочинению французского проповедника или своим выпискам из него. Один из примеров – это фрагмент из 12-го плача, как смерть “на досцѣ токмо сущи написанна”. Нет сомнений, что Симеону были известны распространенные в ту эпоху графические изображения смерти, плясок смерти и словесные описания этих визуальных образов, но для плача он использует и некоторые фрагменты из 1-й проповеди де Бесса, § *Mors a pictoribus depingatur* (de Besse 1617: 18-19), например:

Ушес лишенна, ибо еси глуха, / на плачи, воплаи не клониши слуха, Молбы и клича никогда слышиши, / камен- ну твердость в мысли содержиши (<i>Глас</i> , 391).	<...> caret auribus ut surdum se doceat <...>. Clamoribus non flectatur, lachrymis non mo- veatur ad preces nostras velut rupes obsur- descat (de Besse 1617: 19).
---	---

3. Заключение

Удостоверенные путем текстологического сравнения свидетельства знакомства Симеона с концептами де Бесса о четырех последних вещах не исчерпывают примеров обращения Симеона к этому сочинению: в рукописных завещательных преамбулах встречается еще ряд воспринятых у де Бесса *exempla* (Корзо 2026), а маргинальная ссылка “Hier. in Bessaeco concii: 4. De jud. pag. 123” в автографе *Обеда душевного* (*ГИМ*, *Синодальное*, б5б, л. 363 об.) позволяет предположить, что и в воскресных Словах Си-

²⁵ В качестве источника стихотворения *Плакати в юдоли плача* Хипписли называет фрагмент из проповеди Фабера (*Вертоград*, II: 648). Но у баварца нет образа смерти, трубно упреждающей о своем приходе. Симеон мог в данном случае опираться на библейский текст, например, 3Ездры 6:23.

меона могут быть найдены следы заимствований или по крайней мере подражаний текстам французского проповедника.

Судя по всему, в своей работе Симеон использовал как полную версию концептов де Бесса, так и сокращенную авторства Коппенштайна, обращаясь к этим книгам при составлении *Тренов* (1669), завещаний и завещательных преамбул (часть из них датируется 1672-1673 годами), *Слова на погребении честного человека* (не позднее 1675-1676 годов), *Гласа* на смерть Алексея Михайловича (1676). Не исключено, что отдельные фрагменты и примеры просто перетекали между прозаическими и поэтическими сочинениями Симеона, без повторного обращения к латинскому оригиналу; но также можно предположить, что Симеон заглядывал в тексты де Бесса не единожды (именно этим объяснялось бы появление нового материала в *Гласе*).

Выявленные текстологические сходства между отдельными текстами Симеона и французского автора не позволяют однозначно ответить на вопрос, где Симеон познакомился с концептами де Бесса. Если исходить из факта, что современное описание библиотеки Симеона-Сильвестра отражает действительное положение вещей и Симеон никогда не имел собственного экземпляра полной версии концептов де Бесса, то он мог познакомиться с ними, например, во время учебы в Киево-Могилянском коллегиуме, в библиотеке которого хранилось издание 1611 года из личного собрания митрополита Петра Могилы (Charipova 2006: 184). В этом случае еще до приезда в Москву Симеон располагал какими-то достаточно подробными выписками или черновыми набросками к ряду своих более поздних сочинений, но пространственных конспектов из сочинений де Бесса в бумагах Симеона найти пока не удалось. В ранних бумагах встречается лишь одно упоминание о французском авторе: “vide Besseu in Festo Petri et Pauli in Exordio” (*РНБ, F.XVII.83*, л. 267). Лаконизм отсылки к вступительной части поучения на день Апостолов Петра и Павла, без каких-либо подробностей и цитат может говорить о том, что в момент составления этой заметки у Симеона была возможность в любой момент заглянуть в книгу. В качестве гипотезы можно также предположить, что в Москве у Симеона все-таки был доступ к книге. В пользу этой возможности говорит высокая степень букввальности в воспроизведении отдельных рассуждений де Бесса в *Слове на погребении честного человека*, если Слово действительно писалось в московский период.

Не менее важен и вопрос, почему Симеон обратился именно к текстам де Бесса. Выше уже говорилось о том, что концепты французского автора изначально писались для определенной целевой аудитории – приходского духовенства. Они лишены сложной богословской аргументации, лаконичны, но при этом очень образны, имеют ясную структуру, отдельные тематические единицы и параграфы выстраиваются как готовый план для проповеди. Де Бесса хорошо знали католические авторы Речи Посполитой: концепты в полном объеме на польский язык не переводились, но следы знакомства с ними прослеживаются у многих ведущих проповедников (Pawlak 2005: 50, 52, 56). Есть основания утверждать, что концепты де Бесса пользовались успехом не только у католиков, но и среди православных авторов Речи Посполитой первой

трети XVII в.: видный церковный деятель и полемист Мелетий Смотрицкий (1577-1633) в одном из своих сочинений униатского периода перечисляет имена “проповедников римской церкви”, которые, по его мнению, были наиболее востребованы в православной среде; среди них называется и де Бесс²⁶. Популярность французского автора среди православных проповедников польско-литовского государства может быть одним из объяснений, откуда Симеон Полоцкий узнал о сочинениях де Бесса.

Сокращения

БМСТ/ин.:	Библиотека Московской Синодальной типографии, иностранные книги.
ГИМ:	Государственный исторический музей.
МК РГБ:	Музей книги, Российская государственная библиотека.
РГАДА:	Российский Государственный архив древних актов.
РНБ:	Российская Национальная библиотека.

Источники

Библия 1663:	<i>Библия</i> , Москва 1663.
<i>Вертоград</i> :	Симеон Полоцкий, <i>Вертоград многоцветный</i> , I-III, под ред. А. Хипписли, А.И. Сазоновой, Köln-Weimar-Wien 1996-2000.
<i>Вечеря</i> :	Симеон Полоцкий, <i>Вечеря душевная</i> , Москва 1683.
<i>Глас</i> :	Симеон Полоцкий, <i>Глас последний ко Господу Богу</i> , в: Simeon Polockij, <i>Rifnologia. Eine Sammlung höfisch-zeremonieller Gedichte</i> , II, ed. by A. Hippisley, H. Rothe, L.I. Sazonova, Wien-Köln-Weimar 2017, с. 332-393.
Иоанн Златоуст 1993:	Иоанн Златоуст, <i>Беседа пятая о статуях</i> , в: Иоанн Златоуст, <i>Собрание творений в 12 томах</i> , 2/1, Москва 1993, с. 69-84.
Лактанций 2007:	В.М. Тюленев (ред.), <i>Лактанций, О творении Божиим. О гневе Божиим. О смерти гонителей. Эпитомы Божественных установлений</i> , Санкт-Петербург 2007.
<i>Обед</i> :	Симеон Полоцкий, <i>Обед душевный</i> , Москва 1681.
Симеон Полоцкий 1990:	Симеон Полоцкий, <i>Вирши</i> , под ред. В.К. Былинина, Л.У. Звонаревой, В.Г. Короткого, Минск 1990.

²⁶ “Cały Besseusza, który cię z kazalnicy twej mowić uczy: czegom dobrze świadom. Bez ktorego koła twoje skrzypią, iak u woźnicy bez maźnicy” (Smotrycki 1629: 6 v.).

- Трени:* Симеон Полоцкий, *Трени, или плачи вѣхъ санов и чинов православнороссійскаго царства*, в: Simeon Polockij, *Rifmologion. Eine Sammlung höfisch-zeremonieller Gedichte*, II, ed. by A. Hippisley, H. Rothe, L.I. Sazonova, Wien-Köln-Weimar 2017, с. 261-324.
- Bernardus Claraevallensis 1575: Bernardus Claraevallensis, *Opera*, II, Venezia 1575.
- de Besse 1617: P. de Besse, *Conciones <...> de quatuor hominum novissimis*, Köln 1617.
- Cyrillus Alexandrinus 1572: Cyrillus Alexandrinus, *Opera*, II, Paris 1572.
- Dion Casio 1558: Dion Casio, *Romanae Historiae libri*, Basel 1558.
- Hieronymus 1859: Hieronymus, *Ad Heliodorum. Epitaphium Nepotiani*, in: J.-P. Migne (ed.), *Patrologia Latina*, XXII, 1859, стб. 589-602.
- [Meffret[h] von Meissen] 1610: [Meffret[h] von Meissen], *Sermonum Meffret, Verbi Dei praeconis quondam celeberrimi <...> vulgo Hortulus Reginae appellantur. De tempore. Pars Hiemalis*, München 1610.
- Nucleus Coppensteinius: [P. de Besse; J.A. Coppenstein], *Nucleus Coppensteinius ex Besseanis conceptibus praedicabilibus nucleatus*, Köln 1634.
- Smotrycki 1629: M. Smotrycki, *Exthesis abo Expostulatia to iest Rosprawa między Apologią y Antidotem*, Lwów 1629.

Литература

- Белецкий 1914: А.И. Белецкий, *Стихотворения Симеона Полоцкого на темы из всеобщей истории*, в: *Сборник историко-филологического общества при Харьковском университете*, Харьков 1914, с. 587-668.
- Белокуров 1899: С.А. Белокуров, *О библиотеке московских государей в XVI столетии*, Москва 1899.
- Гребенюк 1982: В.П. Гребенюк, *‘Рифмологион’ Симеона Полоцкого (история создания, структура, идеи)*, в: *Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность*, Москва 1982, с. 259-308.
- Киселева 2011: М.С. Киселева, *Интеллектуальный выбор России второй половины XVII-начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености*, Москва 2011.
- Корзо 2021: М.А. Корзо, *Сюжет ‘consolatio mortis’ у Симеона Полоцкого: несколько штрихов к источникам вдохновения богослова*, “Славяноведение”, 2021, 2, с. 93-101.
- Корзо 2024а: М.А. Корзо, *Проповедническое наследие Симеона Полоцкого и его источники: некоторые наблюдения*, “Славяноведение”, 2024, 4, с. 26-37.

- Корзо 2024б: М.А. Корзо, 'Слово на погребеніи честныхъ жены' Симеона Полоцкого в контексте "образцовых" погребальных проповедей XVII века, "Вестник ПСТГУ, Серия II: История. История Русской Православной Церкви", 2024, 120, с. 11-25.
- Корзо 2025: М.А. Корзо, *Об источниках 'Слова на погребеніи архіереа' Симеона Полоцкого*, "Славяноведение", 2025, 4, с. 132-145.
- Корзо 2026: М.А. Корзо, *Об источниках заветныхъ прамбул Симеона Полоцкого*, "Вестник ПСТГУ, Серия II: История. История Русской Православной Церкви", 2026 (в печати).
- Подтергера 2000: И.А. Подтергера, *Письма и послания Симеона Полоцкого*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 2000.
- Преображенская 2023: А.А. Преображенская, *Проповедь Симеона Полоцкого 'На погребеніи честныхъ жены': приготовление христианки к смерти в последней четверти XVII в.*, "Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова", 2023, 1, с. 287-309.
- Сазонова 2006: Л.И. Сазонова, *Литературная культура России: Раннее Новое время*, Москва 2006.
- Юсим 1993: М.А. Юсим, *Книги из библиотеки Симеона Полоцкого – Сильвестра Медведева*, "Труды Отдела древнерусской литературы", XLVII, 1993, с. 312-327.
- Bayley 1980: P. Bayley, *French Pulpit Oratory, 1598-1650: A Study in Themes and Styles, with a Descriptive Catalogue of Printed Texts*, New York 1980.
- Hippisley, Luk'janova 2005: A. Hippisley, E. Luk'janova (eds.), *Simeon Polockij's Library. A Catalogue*, Köln-Wien 2005.
- Charipova 2006: L.V. Charipova, *Latin Books and the Eastern Orthodox Clerical Elite in Kiev, 1632-1780*, Manchester 2006.
- Frymire 2010: J.M. Frymire, *The Primacy of the Postils: Catholics, Protestants, and the Dissemination of Ideas in Early Modern Germany*, Leiden 2010.
- Pawlak 2005: W. Pawlak, *Koncept w polskich kazaniach barokowych*, Lublin 2005.
- Sazonova 2013: L.I. Sazonova, *Das 'Rifmologion' des Simeon Polockij – ein Buch höfisch-zeremonieller Dichtung*, в: A. Hippisley, H. Rothe, L.I. Sazonova (eds.), *Simeon Polockij. Rifmologion. Eine Sammlung höfisch-zeremonieller Gedichte*, I, Wien-Köln-Weimar 2013, с. XI-LXXXVI.
- Schmidtke 2010: D. Schmidtke, "Meffreth" von Meissen, в: K. Ruh (ed.), *Die deutsche Literatur des Mittelalters: Verfasserlexikon*, VI, Berlin 2010³, с. 297-300.
- Stockmann 2001: P. Stockmann, *Besse, Pierre de*, in: W. Kasper (ed.), *Lexikon für Theologie und Kirche*, XI, Freiburg; Basel; Wien 2001³, Sp. 24.
- Weiß 1876: A. Weiß, *Coppenstein, Johann Andreas*, in: *Allgemeine Deutsche Biographie*, IV, Leipzig 1876, с. 471.

Abstract

Margarita A. Korzo

Works by Pierre de Besse in the Written Heritage of Simeon Polockij

This article investigates previously unidentified Latin sources of several works by Simeon Polockij. The texts examined include a funeral sermon from the sermon collection *Večerja duševnaja* (*Spiritual Evening Meal*, 1683); two poems from the *Rhymology* (*Rifmologion*, ca. 1678); and testamentary preambles from the Synodal Collection of the State Historical Museum (no. 229), ca. 1672-1673. Textual comparison demonstrates that the principal source of Simeon Polockij's instructive exempla and quotations was a collection of sermons on death by the French Catholic preacher Pierre de Besse (1567-1639). De Besse was an authoritative preacher at the court of Louis XIII and the author of a collection of annual sermons, first published around 1605, with a Latin translation appearing ca. 1611. This collection is known to have exerted influence on Orthodox authors in the Polish-Lithuanian Commonwealth.

Although the original edition of de Besse's *Conciones* is not preserved in the book collection of Simeon Polockij and Sil'vestr Medvedev (Russian State Archive of Ancient Documents), an abridged revision by the German Dominican Johann Coppenstein (d. 1638) is extant there. Coppenstein's compendium reproduces, in summarized form, de Besse's *Sermones de morte* together with their full illustrative apparatus, which reappears almost verbatim in the aforementioned texts by Simeon Polockij. The study thus not only identifies a concrete channel of transmission from Western Catholic to Orthodox didactic literature, but also substantiates and refines earlier, fragmentary observations concerning the shared repertoire of sources, exempla, and rhetorical strategies across Simeon's poetic and prose works.

Keywords

Simeon Polockij; Pierre de Besse; Johann Coppenstein; *Večerja duševnaja*; *Rifmologion*; Funeral Sermons; Funeral Poems; Testamentary Preambles; Rhetorical Strategies.